

Лариса

ПОДИСТОВА

*

**Берег молочный,
Шорох полночный,
Серпик луны.
Лиственный ропот,
Узкие тропы,
Смутные сны.
Хмурые клёны,
Блеск отдалённый
Липких тенёт.
Шелест ковыльный,
Мягкие крылья,
Хищный полёт.
Сломанный колос,
Гаснущий голос,
Стынувший след.
В омуте лета
Два силуэта,
Были – и нет.**

СПИРАЛЬ

**Круги, круговороты, кружева
Пути по серпантинной круговерти.
Не просто выживать-переживать,
А подниматься, уходя от смерти,
Всё выше вверх – неистово руля,
На поворотах не сбавляя газа,
И не смотреть туда, куда земля
Уходит, как проваливаясь, сразу.
И там, где тихо, гулко и темно,
На самом дне небесного колодца,
Как та принцесса о веретено,
О неизбежность остро уколоться.**

*

**Голос отца в телефоне.
Тысячи вёрст между нами.
Жизнь за минуты проходит –
Я вспоминаю...**

**Детство – в тумане, как небыль.
Грусть мне приходит на помощь.
Дом отчий солнечным не был.
Папа, ты помнишь?**

**Память бредёт косолапо,
Ищет без прежнего пыла...
Были и радости, папа,
Я не забыла.**

**Что-то с годами простилось,
Что-то горчить ещё будет.
Нам величайшая милость –
Близкие люди.**

Сердце от бед, погребённых
В памяти, больше не ноет.
Я ведь давно не ребёнок.
Что же со мною?

Дни – как понёсшие кони...
Горьких предчувствий не слушай!
Голос отца в телефоне
Дальше и глуше.

*

*Oh, East is East, and West is West,
and never the twain shall meet...
Rudyard Kipling*

О, этот пряный, чарующий запах!
О, этот сладкий восторг!
Разума разом лишается Запад,
Если приходит Восток.
Исподволь, крадучись, краешком, кротко –
Музыкой, дымкой извне
В доме пропитаны перегородки,
Заняты бреши в стене.
Вкрадчивый ирбис, жасминная фея,
Змейка в излучах земли...
Ноткой сандаловой, гимном кофейным
Сняты в ночи патрули.
Вот и ворота распахнуты, будто
Мозг не хозяин рукам...
Вслед улыбаются медные будды
Сдавшим свой кров чужакам.
Заворожённые, те поголовно
Делают что-то не то.
Истина им раскрывается, словно
Связанный чайный цветок, –

Нежно, заманчиво, тихую сапой,
Сокам земли в унисон.
О, этот пряный, чарующий запах...
О, этот гибельный сон...

*

Хоть семь шкур с человека снимите, но
Не сотрётся клеймо на лбу.
Мир меняется так стремительно,
Руша стены, столпы, табу...
Перемены – что корчи в огне на вид,
Горше яда, больней свинца.
Этот страх порождает ненависть
В надрывающихся сердцах.
И сбиваются в стаи на зов немой
Из каких-то глухих глубин.
И на лбу, раскаляясь, горит клеймо –
Знак забывших про «не убий»...
Только разум у крайней черты спасёт,
Пелену убирая с глаз:
Это просто меняется мир – и всё,
Как бывало уже не раз.

КУКУШКА

Белая ночь, и кукушка не спит почему-то –
Долго, старательно вечность пророчит кому-то.
Кажется, тысячу лет неизвестно кому...
Несправедливо так много давать одному!
Но ещё больше другое меня угнетает:
Ночь на дворе – и никто этих лет не считает!
Только дворовые псы смотрят без интереса
Ввысь, где бессмертье ничейное тает над лесом.

*

Снова приходит лучистое лето,
Значит, я снова жива.
Юбка отделана шёлковой лентой,
А на груди – кружева.
В теле просторном, душа, распружинься
И позабудь, как вчера
Пряталась зябко в привычные джинсы,
Батники и свитера.
Тёплые вещи уложены горкой,
Убраны в шкаф на сто лет.
Белые шарики ландышей горьких
На прикроватном столе.
Тени листвы на потёртых обоях,
Шорох дождей по ночам...
Май да июнь – привечаю обоих,
Лоб подставляя лучам.
Взгляд опускаю, но радость не скрою –
Слишком походка легка.
Крылья – одежда широкого кроя –
Ловят полёт ветерка.
Ветер былинки качнёт воровато,
Тронет пушистый ковыль.
Солнечный воздух горчит ароматом
Скошенной свежей травы.
Зыбкие блики ложатся на воду,
Бьётся слепящая рябь.
Лето, спасибо тебе за свободу
Вечную – до сентября!

*

Я зимой умираю –
Пронзительно зябнущей рощей,
Ручейком, одиноким
Подкидышем дальних морей.

Беззащитной осиною,
Чью голую крону полощет
Господин небосвода –
Угрюмый, ворчливый Борей.
Я зимой умираю...
Над белым моим изголовьем
Буйны песни буранов,
А зов человеческий слаб;
И, снега небосвода
Пятная закатною кровью,
Солнце белым песцом
Ускользает у стужи из лап.
Надо мною без сна,
Горизонт ледяной озирая,
До рассвета стоит
Неподвижная звёздная тьма...
Дай мне бог не свихнуться
И этой зимой, умирая.
Дай мне, боже, весной
Не лишиться, воскреснув, ума!

*

Плыть по синему морю,
Не видя берега,
Паруса не высматривать
В дымке белые,
Не стремиться вернуться
Туда, где прочие,
Ни покоя не ждать,
Ни тепла, ни прочности.
Не бояться беды, что
Дорогу в дом мостит,
Видеть лишь горизонт
Над седой бездонностью,
Говорить с синевою
Криком чайчьим,
Оставаться живой
Паче чаяния...

*

Жизнь лишается смысла, когда запоздалый прохожий
Растворяется в дымке косоного ночного дождя.
Словно лезвие варварской бритвы почувствовав кожей,
Замираешь – и слышишь, как время звучит, уходя:
Над заброшенным парком, над чащей, теряющей листья,
Тонкий говор капелей и ветреный шорох весны,
Гул ночных поездов, давних войн заблудившийся выстрел,
Смутный шелест шагов невидимок по тропам лесным...
Молча небо глядит, от светящихся оспин рябое,
Наблюдают светила за тёплой мирской суетой
С любопытством бессмертных, и долгую ночь над тобою
Смуглолицей луны усмехается диск золотой.

НЕТ

И дни безмятежны, и благодны вечера –
Но нет меня больше там, где была вчера.
Забыта рутины привычная кабала,
И нет меня больше – той, что вчера была.
Судьба отзвучала, как песня, как звон монет –
И нет меня больше... Ну нет, понимаешь, нет.

